

18+ для  
сыроватская

# РАЗНЫЕ

Сергей  
Мирошников

# ЛЮДИ

авторский сборник прозы и поэзии

**Юлия Сыроватская  
Сергей Мирошников  
Разные люди. Сборник  
прозы и стихов**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=28953501](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28953501)  
ISBN 9785449027573*

**Аннотация**

Сборник рассказов и стихов «Разные люди» соединяет литературный труд двух авторов. Представленные на суд читателя произведения написаны людьми, представляющими собой две эпохи в истории нашей страны. В тоже время существует тонкая связь, как протянутая через время рука, объединяющая и авторов и их произведения. Книга содержит нецензурную брань.

# Содержание

Сергей Мирошников	6
Рассказы	6
Ночное происшествие	6
Ремонт	11
В автобусе	14
Инга	16
Ужас	19
Рыжий разговор	22
Напугал	26
Зной	38
Пацан	41
Однажды вечером	44
Лунатик	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

# Разные люди

## Сборник прозы и стихов

Сергей Мирошников  
Юлия Сыроватская

© Сергей Мирошников, 2025

© Юлия Сыроватская, 2025

ISBN 978-5-4490-2757-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления, помещаем эту короткую выдержку Бродского И. из его Нобелевской Лекции, прочитанной им самим при вручении Нобелевской премии по литературе в 1987г.

*«...Равенство – это равенство сознания, и оно остается с человеком всю жизнь в виде памяти, смутной или отчетливой, и рано или поздно, кстати или некстати определяет поведение индивидуума.*

*Роман или стихотворение – не монолог, но разговор, повторяю, крайне частный, исключаящий всех остальных, если угодно – обоюдно мизантропический. И в момент этого*

*разговора писатель равен читателю, как впрочем, и наоборот, независимо от того, великий он писатель или нет.*

*Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление совершает нация – она платит за это своей историей...».*

Авторы постарались создать свою ноту запаха-творчества, и действовали как парфюмеры, стараясь наполнить страницы этой книги – особым ароматом, неповторимым и запоминающимся...

О чем эта книга – для каждого читателя будет свой ответ. Хотя, возможно, он придет к выводу, что все мы разные люди, но в тоже время, одинаковые...

Каждый человек это маленькая Вселенная, где нет места хаосу. Мы должны быть живыми, чтобы жить и чувствовать. Не позволяйте своему сердцу становиться каменным!

# Сергей Мирошников

## Рассказы

### Ночное происшествие

Весь день Иван Иванович чувствовал себя дурно. В голове предательски шумело, в груди разлилась пульсирующая тяжесть, настроение отсутствовало полностью. Хотелось поскорее прийти домой, выпить чаю с лимоном и мёдом и завалиться на боковую в тёплую постель.

Иван Иванович так и поступил, приняв для верности таблетку снотворного. Перед самым сном он полистал томик Голя, но по телу уже разлилась истома, и он быстро заснул. И снился ему странный сон: будто он ангел, приставленный наблюдать за людьми; и, вот, он летает, распластав крылья, над землёй и смотрит, смотрит, смотрит. И видит он заливной луг, поросший кустарником, и будто что-то там внизу мелькает светлое. Иван Иванович пригляделся и различил, что это женщина в развивающемся белом платье и белой шаля бежит по лугу и прячется за кустами. И в какой-то момент она исчезла. Была, и нет. Нет и всё тут. Иван Иванович сразу определил, что это непорядок, что не должна женщи-

на в белом платье бегать по лугу и прятаться за кустами и, тем более, пропадать там, а должна она сидеть на крылечке и лузгать семечки. Непорядок!

Вот, тут-то и зазвонил в первый раз телефон. Иван Иванович, не просыпаясь, поднёс трубку к уху. Из трубки прорвался бодрый женский голос:

– А, куда это пропала Агафья Тихоновна?

– Как, и она пропала, – ужаснулся Иван Иванович, – боже ж ты мой! Повесил трубку и снова вошёл в свой сон. Только теперь не абстрактная дама бегала по лугу от куста к кусту, а была это Агафья Тихоновна, и будто бы искали её уже всем миром, и министр внутренних дел, почему-то в погонах младшего лейтенанта, стоял навтыжку перед Иваном Ивановичем и докладывал ему о ходе расследования дела; а вдали по холмам скакал на деревянной коняшке и размахивал фанерной сабелькой министр обороны, а за ним скакало всё его воинство на таких же коняшках и с такими же сабельками и все дружно звали Агафью Тихоновну по имени и умоляли вернуться. Но та всё бегала и бегала от куста к кусту, укрываясь от зорких взглядов сыщиков и бравых кавалеристов.

Раздался второй телефонный звонок:

– Не шутите так, мне очень нужна Агафья Тихоновна, хоть в набат бей.

– Её уже ищет милиция. – Сказал Иван Иванович. – Что теперь будет, боже ж ты мой. – И повесил трубку.

Сон, стоявший у изголовья, снова предложил Ивану Ивановичу свои услуги. Теперь Иван Иванович парил в небе высоко как орёл и с высоты полёта видел далёкие стены кремля, которые были почему-то покрашены в зелёный цвет. Иван Иванович стал присматриваться и увидел, что Агафья Тихоновна бежит по звоннице Ивана Великого и бьёт во все колокола. Тут все сыщики кинулись к дверям, ведущим на колокольню, чтобы стащить с неё Агафью Тихоновну и прекратить несущийся над городом звон, ан двери-то и закрыты. Стучали – стучали, стучали – стучали, так и не открыли, но кому полагается, тот услышал этот стук и развернул армию на Ивана Великого, и стали крохотные солдатики из деревянных пушечек палить по колокольне. Ядра были самой новейшей конструкции: из пробкового дуба. Одно из ядрышек попало в самый большой колокол, от чего тот упал вниз на попа, и от края его отвалился большой кусок.

Тут снова зазвонил телефон:

– Что, что приключилось? Отвечайте же, не молчите. – Женщина в трубке сказала это почему-то с сильнейшим английским акцентом.

– Агафья Тихоновна в кремль неудачно сходила, – сквозь сон сказал Иван Иванович и, добавив свою присказку: бже ж ты мой, взял и повесил трубку.

Теперь сон унёс Ивана Ивановича в далёкую Америку, но и там была Агафья Тихоновна. Она сидела в белом доме, пила чай из самовара и управляла американцами, а дядюшка



Том был у неё камердинером и первым министром.

Деревянная армия не рискнула переплыть море, а сыщиков всех переловили на границе, судили и выслали домой на родину, только самый главный сыщик успел вовремя кинуть своё воинство и вплавь добраться до родных берегов.

Но тут американские сыщики задались вопросом: а кто такая Агафья Тихоновна и почему она управляет Америкой. Стали они выяснять и разнюхали, что у Агафьи Тихоновны нет американского паспорта, и решили тогда они выслать Агафью Тихоновну на северный полюс. Долго совещались американские сыщики, но так и не смогли решить: кому принадлежит этот самый северный полюс. А Агафья Тихоновна всё это время сидела в тюрьме и пила чай. Наконец её выпустили и выслали назад на заливные луга, где она стала бегать от куста к кусту и прятаться. А Иван Иванович всё это видел и парил над ней уже в чине архангела.

Тут раздался четвёртый телефонный звонок. Женщина в трубке рыдала и вопрошала к Ивану Ивановичу:

– Что же теперь будет, боже ж ты мой?

– Она сбежала в Америку, но её уже выслали, – пояснил Иван Иванович и первый раз, прежде чем повесить трубку, не сказал своей присказки.

Иван Иванович снова парил над заливным лугом, но Агафья Тихоновна исчезла, и, как бы высоко не взлетал Иван Иванович, её нигде не было видно. Тут снова раздался звонок. На этот раз звонили в дверь. Иван Иванович встал и от-

пер замок. На пороге стояла сама Агафья Тихоновна.

– Любезный Иван Иванович, дай мне схорониться у тебя до утра. Меня в дурдом хотят поместить. А с твоей помощью я их всех оставлю с носом. – Агафья Тихоновна молитвенно сложила руки на груди.

Иван Иванович впустил женщину, суетливо выглянул в коридор и тихо затворил дверь.

В кровати Агафья Тихоновна лежала смирно и больше не безобразничала, так что Иван Иванович вскорости и заснул.

Проснулся он, когда солнце уже поднялось над крышами домов. Агафьи Тихоновны нигде не было, но Иван Иванович даже не удивился.

– Видимо, так надо, – подумал он.

Снова позвонили в дверь. В приподнятом настроении Иван Иванович отомкнул замок. На пороге стояли министр обороны, министр внутренних дел, американские сыщики и два ангела в ослепительно белых одеждах с длинными одеяниями для самого Ивана Ивановича. Все кинулись крутить Ивану Ивановичу руки, но он ловко захлопнул дверь перед самым их носом.

Тут Иван Иванович проснулся окончательно. Всё так же по-доброму светило солнце, и воробьи прыгали по подоконнику. Иван Иванович ущипнул себя за бок и был рад разлившейся боли:

– Всё, больше не сплю. Какая ужасная ночь. – Подумал он

и залпом выпил стакан воды.

Потом он прошествовал на кухню и соорудил себе расчудесную яичницу с ветчиной и гренками.

Солнце яркими снопами света било в кухонное окно, запахи от яичницы забиралась в ноздри, от ночного кошмара остались только смутные воспоминания, жизнь потихоньку брала своё.

Иван Иванович уже сел перед сковородкой готовый накинуться на её содержимое, как вдруг зазвонил телефон. Иван Иванович замялся и всё же не стал снимать трубку.

– В этом мире и так всё хорошо, – подумал он.

*30 ноября 2010*

## Ремонт

Водопроводчик критически посмотрел на обветшалую квартиру и, махнув рукой, не разуваясь, прошёл в санузел. Загремели горшки, банки, загромыхали жестяные поржавевшие вёдра, полетели в сторону пыльные тряпки. Рабочий смачно чихнул и обругал старую бабку:

– Ты, что, мать, своё приданое здесь копишь? Скоро замуж собралась?

Бабка семенила рядом, ахала, охала, переживала за свои банки-склянки и ночные горшки.

– Зачем тебе их сразу три? Ты, поди, и забыла про них – вот, смотри, сколько грязи в твоих жестянках налипло!

– Ничего, милый, придёт время и эти сгодятся, а ты поосторожней: у меня здесь убрано.

– Да, уж вижу. На Первомай в позапрошлом веке ты здесь убиралась.

– А ты, милый, всё равно поаккуратней. Я старая, мне трудно.

– Ну, а гантели тебе зачем, спортсменка? – мастер выудил из пыльного угла две чугунные болванки, махнул рукой и загремел своим инструментом о ржавые водопроводные трубы.

Работа продвигалась медленно. Всё проржавело, всё прикипело, без титанических усилий ничего нельзя было отвернуть, того гляди, труба лопнет. А бабка не унималась: то ей пылинка мерещилась, то соринка. Совсем извела здоровенного, пахучего мужика.

– Отошла бы ты, старая, в сторону, а то, ведь, локтем задену или... железом засвечу. Что тогда делать будешь?

Бабка испуганно попятилась и в то же время не перестала без умолку говорить, перекладывать тряпки, переставлять банки. Наконец, в санузле остались её голова и рука, вцепившаяся в косяк. Глаза её испуганно хлопали, и она готовилась к самому худшему: что этот мужик в огромных грязных ботинках разнесёт её хозяйство. Страх в её глазах был не поддельным. Она уже сто раз раскаялась, что вызвала водопроводчика. В этот момент она была готова на всё, лишь бы этот кошмар прекратился.

Наконец, она не выдержала:

– Милок, может тебе помочь чем?

Слесарь крикнул, хмыкнул и сказал:

– Хорошо, мать, помогай мне материться!

Хозяйка ринулась вперёд, готовая грудью закрыть амбразуру, и тут только до неё дошла суть просьбы.

– Что ты, что ты, – замахала старая руками, – я не умею.

– А, что старик твой тебя этому не учит, – строго сказал водопроводчик.

– Так помер он, уже пятнадцать лет как помер, одна я теперь.

– Понятно, ты всю науку уже давно позабыла.

Бабка покорно закивала головой.

– Так что ж ты мне под руку всё лезешь? Видишь, здесь резьба прикипела, сейчас я надавлю, а труба и лопнет, быть тебе без воды целую неделю.

Бабка всхлипнула: оправдывались худшие её предположения: этот мужик в грязных ботинках ей в наказание послан и сейчас он доломает всё, что ещё само не успело развалиться.

Тут водопроводчик пришёл ей на помощь:

– Вот, что, мать, неси скорей бутылку водки, буду твоё ржавое хозяйство отмачивать, так легче отвернётся. Слышишь, как трубы гудят? Не успеешь – лопнут. – И гулко ударил газовым ключом по трубе.

Бабку как вихрем сдуло на кухню к заветному шкафчику.

Через двадцать минут повеселевший слесарь уже собирал свой инструмент. В благодарность за угощение он даже вытер всю пыль под ванной и предложил вынести на помойку весь хлам, но бабка крепко вцепилась в свои горшки и банки:

– Вот, вымою их, и снова туда поставлю.

– Тебе виднее, мать, – весело произнёс разомлевший мужик. – Если снова капать будет, меня вызывай, я тут знаю что к чему.

Громыхнув ящиком с инструментом, слесарь важно сел в лифт, а бабка кинулась к своим банкам, жестянкам, тряпкам и гантелям, пролежавшим под ванной уже тридцать лет. Она была счастлива – ей вернули её мирок.

Вечером за чаем, старушка уже спокойно припоминала пережитые волнения, прихлёбывала из блюдца и ела с ложечки варение. Накрахмаленный тюль тихо колыхался под дуновением тёплого летнего ветра и слышался ровный гул сумеречного города.

*14 мая 2010*

## **В автобусе**

Была чёрная осень. Непрерывный дождь смешивал грязь с водой и размазывал эту смесь по улицам и тротуарам. Водостоки не справлялись с потоками, забитые побуревшими листьями, прутьями, картонками и прочим хламом, оставленным на тротуарах после мелочной дневной торговли. Осве-

щение на улицах было слабым. Ночь по сути, да и по времени уже почти ночь. И в это время, разрезая поток, по улице от остановки к остановке медленно плыл одинокий старенький автобус. Развалина на колёсах. Почти пустой он кренился на один борт, как будто был загружен до предела. Несколько поздних пассажиров дремали в ожидании своих остановок. Вдруг на задней площадке послышалась возня, тихие ругательства, пыхтение. Оказалось, что два пожилых, невысокого роста, толстеньких, пьяненьких человека усиленно оттирали друг друга от выходной двери. С чего это у них началось теперь уже не восстановить, но интересно другое: выход из дверей в два «ручья», но они по какой-то назойливой прихоти оба хотели выйти одним путём. И вот теперь толкались, пыхтели и по возможности своих слабеньких пьяненьких сил давали друг другу тумачков, пинались ногами. Была очевидная ничья, а автобус уже подкатывал к остановке. Тут то и прорезалось то, от чего не свободен по большей части всякий проживающий в нашей стране. В ход пошла «тяжёлая артиллерия»:

– Уйди с дороги, ты, еврей, – уверенный в том, что эта фраза решает всё, пискнул один из них.

Второй, не опроверг сказанного, но моментально нанёс ответный удар:

– Сам ты мордва, – с его точки зрения обвинение было не менее веским и давало право пройти первым.

И они сцепились ещё усердней.

- Еврей.
- Мордва.
- Еврей...

Тут двери автобуса распахнулись, оба «ксенофоба» выпали из него прямо в мутный поток и испортили всю свою одежду. Промозглая ночь и холодная вода отрезвили их, а темнота напугала. Разбежались они в разные стороны.

Гражданская война была предотвращена самой природой...

2007

## Инга

Сидим с Ингой в кафе и обсуждаем важный вопрос. Завтра нам надо встретиться на Таганке, в каком то «кривом» переулке в помещении туристической фирмы. Где это, я не знаю. Знает Инга, но адреса не помнит.

«Инга, ты там была, как пройти из метро»?

Инга морщит лоб, кусает губу и показывает рукой какую-то загогулину.

«Что это, Инга»?

«Это... ты как из метро выйдешь, то сначала вот так пойдёшь, – рука скользит направо и вниз, – а затем вот так», – рука делает свечу и останавливается где-то в облаках.

«Там трёхэтажный дом и дубовая дверь, но ты в неё не входи. Нужно заранее пройти аркой предыдущего дома



и дворами выйти к черному ходу вот этого особняка», – Инга показывает пальцем на чашечку кофе.

«На первом этаже две железные двери. Они все в наклейках, но ты поднимайся на второй этаж. Там охранник, ему нужен твой паспорт. Потом найди огнетушитель на стенке, рядом ещё стремянка стоит, а дверь напротив это и есть турфирма. На ней ничего не написано, поэтому нужно стучать. Я буду ждать тебя там».

«Хорошо, если я дойду до этого дома, то найду там тебя и эту фирму. Ты мне конкретней объясни, как из метро идти. Из какого: их на Таганке много. Не там выберешься на поверхность – всё равно, что на другом материке окажешься».

Инга была в явном замешательстве: «Как какой выход? Приедешь и выходи на поверхность»!

«Дорогая, да там три станции метро переплетены – как будто дождевой червяк трижды узлом завязался. Откуда выходить?»?

Инга кривит губы, улыбается, показывает ровные белые зубки.

«Ты направо выходи».

Уже лучше.

«Из подземного перехода»?

«Из вагона».

Приехали!

«Хорошо, а дальше»?

«Выходи в подземный переход. Из подземного перехода

два выхода. Один на большую улицу. Ты туда не ходи. Другой – на улицу поменьше. Тебе туда. А, как выйдешь на поверхность, иди вот так», – рука Инги вспорхнула как воробышек.

«Послушай, Инга, так мы с тобой не договоримся. Ты из дома поедешь, с Белорусской. Вот, ты приехала на Таганку и как пойдёшь дальше?»

«А вот и нет! – язвит Инга, – Я сначала к подруге на Третьяковскую, а потом на Таганку».

«И сразу на поверхность выйдешь?»

Инга долго думает, морщит лоб, кривит губы, показывает белые зубки, смотрит из-под ресниц, улыбается: «Нет, сначала в подземный переход, а потом наверх на улицу, которая поменьше».

Уже проще.

«Значит, ты выходишь на Марксистской».

«Нет! Я выхожу на Таганке! – горячится Инга, – Ты всё время «тормозишь»!

«Понятно. Вышла, а дальше»?

Рука Инги изобразила страуса с запрокинутой головой, а сама она заулыбалась во весь рот, сощурилась и невинно прибавила: «Вот туда пойдёшь».

«Ладно, а на углу этого переулка может дом какой-нибудь особенный, что его сразу узнать можно»?

«Да, да, особенный, – обрадовалась Инга, – его в прошлом году ремонтировали».

Тупик!

«Знаешь, Инга, сколько я ни живу, всё больше убеждаюсь, что на Земле существуют два вида разумных существ и логики их не пересекаются».

Инга наморщила лоб, надула губки, но увидела, что я смеюсь, и сама рассмеялась вместе со мной.

Дома у Инги был адрес тур фирмы, и мы договорились вечером созвониться.

Я позвонил в десять вечера. Звонил долго. Наконец заспанный голос ответил: «Да, это Инга».

«Инга, мы договаривались созвониться вечером».

«Да, но сейчас уже давно ночь, – Инга сладко зевнула, – ты зачем меня разбудил»!

## Ужас

Старый дед сидит во дворе на лавочке и вяжет берёзовые веники. Он уже представляет себе, как они будут пахнуть, просыхая потихоньку под навесом в тени на сквознячке. Как он станет париться с ними, потом пить квас, да что-нибудь ещё, если хозяйка поставит на стол. Как будет хорошо и телу и душе. Что нужно ещё для душевного комфорта вовсе не молодому человеку?

– Деда, ты что делаешь? – спрашивает маленькая Наташка. Она уже давно незаметно подкралась и внимательно наблюдает за дедом со стороны.

– Да вот, веники вяжу.

– А из чего ты их вяжешь, из крапивы?

– Из крапивы бабушка только щи варит, а веники вяжут из берёзы.

– Щи варит? Так они же колючие будут!? – Наташка морщится.

– Почему колючие? Вовсе не колючие, а вкусные. Ты весной щи ела, так они из крапивы были.

Наташка настораживается, высовывает язык как можно дальше, бежит в дом к зеркалу и пытается что-то рассмотреть: – Вовсе он не красный и не чешется, – говорит она, вернувшись. – Ты обманул меня деда, они не из крапивы были.

Дед тихонько посмеивается в усы и продолжает своё дело.

– Деда, а зачем тебе так много веников – двор мести?

– С этими вениками я буду в баню ходить: мыться, париться, чтобы чище быть.

– А ты что совсем грязный, если вениками будешь чистить себя. – Наташка делает большие круглые глаза.

Совсем! – сокрушённо говорит дед и подмигивает девушке.

– Бедный деда! – Наташка искренне жалеет старика.

– Деда, раз ты такой грязный, почему ты раньше веники не делал?

– Почему не делал? Делал!

– И мылся ими?

– Мылся!

– И остался такой же грязный? – Наташка недоверчиво смотрит на старика, хочет подойти к нему, но что-то удерживает её. – Деда, ты, наверно, веники делать не умеешь! Я пойду у бабушки спрошу, как их делать и расскажу тебе. Нельзя же такому грязному ходить. Тебя ругать будут!

Наташка поодаль присела на корточки и сокрушённо покачала головой:

– Бедный деда, такой старый, а веники делать не умеет!

Дед не ожидал такого поворота в разговоре. В нём выиграла уязвлённая гордость, и, погорячившись, он сказал в сердцах:

– Зачем у бабушки спрашивать, эта бабушка только щи умеет варить. А я, если хочешь знать, на этих вениках «собаку съел»!

Только сейчас Наташка замечает, что нигде нет дворового Тузика. Она тихонько привстаёт с корточек и медленно – медленно, на цыпочках пробирается на крылечко. В сенях она уже во весь опор бежит на кухню к бабушке, а баретки её громко стучат по дощатому полу. Добравшись до бабушкиной юбки, она зарывается в неё с головой, и уже оттуда, голосом, полным ужаса, сообщает старушке страшную новость:

– Баба, баба! Дед нашего Тузика съел!

Сказала и расплакалась.

*25 мая 2008*

## Рыжий разговор

Уже час сижу за письменным столом. Работа не клеится. Пытаюсь думать на тему, а в голове мечты о море, о пляже, о белых пароходах. Тут подходит ко мне мой рыжий котик и начинает жаловаться на то, как ему кушать хочется:

– Смотри, лапы едва ходят. Кушать, кушать давай! Миска моя совсем пуста. – Завывает Рыжий себе в усы и смотрит на меня ясными широко открытыми глазами.

Есть, конечно, дать надо, но уж больно удобный момент, чтобы поговорить с ним за жизнь. На сытый желудок вряд ли он будет разговаривать. На сытый желудок он спать завалится. А тут как в помощь вдруг налетел шквал. Тучи обложили всё небо, загрохотал гром и полил дождь.

Рыжий боится грома. От его раскатов он жмётся к моим ногам, прячется за ними и становится особенно разговорчивым.

– Как дела, Рыжий? – спрашиваю я, чтобы начать разговор.

– Есть хочется, – отвечает Рыжий и вздрагивает от очередного громохання.

– Так ты сыт, пожалуй, – говорю я.

– Какой там! Живот весь подвело. Сам сходи, посмотри, миска моя с утра пустая стоит, – приbedняется хитрюга.

– Так она с самого утра полная стояла. Ты же всё и съел.

– Мааало!

Да, врѣшь ты всё. Посмотри в зеркало, какой ты толстый, – говорю я укоризненно, – на шкаф уже давно не прыгаешь. И не допрыгнешь от обжорства.

Кот щурится, отворачивается, обходит мои ноги по кругу и говорит:

– Это от того, что я уже старый. В моём возрасте не положено по шкафам прыгать.

– А тряпку у порога поганить положено? – говорю я строго.

Рыжий сразу даёт задний ход: поглубже под кресло, и, уже оттуда огрызается:

– А ты стирай её почаще.

– Вот я сейчас тебя! – грожу ему пальцем. Рыжий шипит и машет на меня лапой.

– А по ночам, кто мне спать не даёт? Чуть у тебя бессонница, так и меня будишь. Вот тогда ты разговорчивый – не остановь.

– Сам не молоденький. Сам по ночам вскакиваешь и бродишь от окна к окну, – парирует Рыжий.

– Верно, не молоденький. Правильно говоришь: и у меня бессонница. Так чего ж ты меня будишь, когда я, наконец, засыпаю!?

– Ты засыпаешь, я просыпаюсь..., – отговаривается кот.

– Дождёшься у меня, я тебя веником поколочу.

Кот прижимает уши и шипит ещё громче. Для него страш-

нее веника на свете ничего нет.

Был как-то у меня старый веник. Хватил я им Рыжего по спине за дело, так веник от дряхлости и развалился, когда я только выцеливал рыжую спину. С тех пор он всё мне поминает, как я об него такого маленького и несчастного здоровенный веник сломал: мол, совсем с ума сошёл, старый фантазёр!

– Хорошо, ничья! – говорю я Рыжему.

Посидели, помолчали.

– А как вообще тебе живётся?

– Плохо! – отвечает Рыжий.

– Почему??

– Потому, что после того веника, – Рыжий подчёркивает слово «того», – ты купил ещё три новых. Один на балконе стоит, другой в спальне, а третий на кухне. Куда ни приду, везде сплошная инквизиция.

– Ты утихомирься, а то действительно тебе инквизицию устрою. Кто старое помянет, тому веником по ушам.

– Вот! И я про это. За правду всегда бьют, – шипит кот и ещё больше прижимает уши.

– А чем же ещё тебе плохо живётся?

– За всю жизнь ни одной птицы не поймал. Мышь один раз поймал, но она так верещала, что мне плохо стало. Ты сам меня валерьянкой отпаивал.

– А ещё?

– По карнизам ходить нельзя. Раз на соседский балкон пе-



релез, так, сколько разговоров было?! – Рыжий сидит и загибает когти на свои обиды.

– На улицу нельзя. Всю жизнь на пятом этаже прожил.

– Ты ещё на седьмом жил.

– Этого я не помню. Да, и какая разница – всё равно в клетке.

– Кошек я не знаю – даже воробьи надомной смеются.

– А ещё вороны рассказывают, что где-то там внизу есть рай. Там всего, что ни захочешь, в изобилии. Там все находят своё счастье.

– И как же этот рай называется?

– Имя у рая прекрасное – Помойка!

– Приехали! Всё, вороны отменяются. Тебе сколько лет, Рыжая Морда!? На всём готовом живёшь. На деликатесах. Сам есть не буду, пока тебе от своего куса лучший край не отверну! А тебя на тухлятину потянуло! Не Рыжий ты после этого, а Скотти!

Рыжий молчит. Молчу и я. Наконец кот не выдерживает и спрашивает меня:

– Ты-то сам счастлив?

Поймал он меня врасплох. Задумался я не на шутку. Потом говорю ему:

– Знаешь, Рыжик, ты прав: я так и не поймал мою птицу Счастья. Видел, но не поймал. Может быть позже, может быть в другой жизни.

– Так чем же мы с тобой отличаемся? – хмыкнул Рыжий. –

Шерстью!?

– Ладно, хватит разговоров. Пойдём, накормлю тебя, – сказал я Рыжему. – Что ему объяснишь: всё равно он представил птицу Счастья в перьях. Расстроил он меня.

Рыжий побежал впереди и, когда я дошлёпал до кухни, он уже стоял у своей миски и предьявлял:

– Смотри, миска пуста.

– Ладно, угомонись! – Перебираю консервы. – Ты что будешь: гусиный паштет, индюшку, кролика...?

– Всё! – сказал Рыжий и обернулся вокруг себя как балерина.

Я так и сделал. Рыжик всё понюхал, сказал спасибо и побежал вон из кухни.

– Постой! Ты куда, гад? А кушать?

– Позже. Сейчас сыт.

Нет, нельзя верить учёным котам. Обманул он меня. На жалость взял. Не любит Рыжик, когда его миска пуста. Пусть лучше всё засохнет, но чтобы было.

Что делать. Пошёл работать дальше. За моей спиной на сливе окна сидели два насквозь промокших воробья.

*22 августа 2008*

## Напугал

Из-за края земли вырывались в поднебесный мир диковинные всполохи огня. Они вносили хаос в порядок вещей и тре-

вогу в души тех, кто их видел. Ночная темень уплотнила застывший воздух, настоящий на духоте и липкой влаге вспотевшей среди ночи земли. Что-то надвигалось. Молчат цикады. Притихли собаки. Лягушки затаились в пруду. Коростель и тот молчит. И даже на озере в тростниках не плачут, не перешёптываются во сне водные жители. И только одна огромная ночная бабочка всё бьётся и бьётся об абажур.

В редких домах ещё желтели окошки. Перед шквалом сон тревожен, и ещё многие проснутся, когда накинется на их жилища и на их хозяйства небесное воинство...

Пока вражеское войско подтягивалось к срединной земле, Мишка на ощупь пробирался по двору. В одной руке у него было ведро полное заваренного комбикорма, в другой он держал плошку с собачьей едой. Добравшись до большого тёмного сарая, он поставил ведро в траву, откинул щеколду и распахнул тугую дверь. Подклинив её камнем, он пробрался внутрь. Здесь пахло прелью, сеном и кроликами. Тут же ночевала всеобщая любимица – молодая породистая лайка. Она тотчас радостно взвизгнула и сунула свой нос в Мишкины колени. Мишка поставил плошку в угол и стал раскладывать по клеткам ночную пайку для ушастиков. Те тыкались ему в руку, щекотали усами, оттирали друг друга, кто-то вскакивал на спины стоящих впереди, а кто-то втихую уже выгрызал еду из Мишкиной ладони. Мишка насыпал корм во все кормушки, потрепал зверюшек по их прохладным ушам, проверил запоры и, приперев дверь сарая, про-

брался в огород к кустам крыжовника. Наощупь, обколов себе пальцы, он набил полный карман зелёной кислятиной, рвать которую раньше времени было запрещено. Довольный он уселся на колоде под яблоней и самозабвенно изничтожил молодыми крепкими зубами свою добычу, кислую до того, что даже скулы свело.

Через его ногу неспешно, по-хозяйски переползла здоровенная жаба.

– Точно, быть грозе, – подумал Мишка и посмотрел в угольную темноту. Чёрный бархат неслышно колыхался около самого кончика его носа.

Мальчик нащупал земноводное и взял в руку её хладное, скользкое тело.

– Ого! Какая здоровая, а жрать тебе нечего – комары-то все попрятались.

Мишка откинул жабу подальше в траву, чтобы случайно не наступить.

– Видно, такие ночи стояли, когда отпевали ведьму, – Мишка недавно обнаружил в домашней библиотечке повесть «Вий» и с удовольствием прочитал её пару раз подряд. Тут в саду что-то затрещало, кто-то пискнул, и всё смолкло. Мальчик вздрогнул, но без страха.

– Наверное, кошка мышь поймала, – подумал он.

Беззвучный всполох огня осветил уже полнеба, и Мишка засобирався назад. Он зашёл в сарай забрать пустую площадку. Сунул руку в угол и попал пятернёй прямо в остывшую

уже собачью еду. Чудеса. Мишка чиркнул спичку и в свете её короткого пламени увидел миску полную еды и собаку, сидящую напротив неё. Собачья пасть была полна слюней, а глаза смотрели на Мишку с мольбой. Мальчишка охнул – сам же приучил псину не есть без команды. А тут забыл сказать – ешь.

Ешь, Найда, ешь, ешь! – Полный угрызений совести Миша повторил это слово несколько раз.

Собака ринулась к плошке и одним махом не только опорожнила её, но ещё и вылизала с обеих сторон. Тут Мишке стало совсем плохо, сердце его не выдержало и он, обняв собаку за шею, затискал её и прошептал ей на ухо:

– Ну, прости, прости меня!

Собака лизнула его в ухо, щёку, нос и попыталась прорваться на улицу.

– Стой, Найда! Сиди здесь. Место, место! Сторожи! – и мальчик, потрепав молодую сучку по голове, подпихнул её вглубь сарая, а сам быстро проскочил в дверь и запер щеколду. Собака прыгнула изнутри на дверь, тявкнула пару раз и успокоилась.

Крыльцо у дома было просторным. Одной стороной оно выходило в сад, как раз в ту сторону, где этой ночью полыхали зарницы.

Мишка скинул сандалии на ступеньках, облокотился на перила и стал любоваться надвигающейся бурей. Всполохи огня усиливались, высвечивая контуры деревьев и по-

строек. Стало погромыхивать. Красота!

Тут к Мишке подошёл младший братишка.

– Ты чего не спишь? – спросил старший.

– А, ты?

– Я дела только закончил.

Мишке было уже одиннадцать лет, и он ощущал себя вполне взрослым и самостоятельным. Поэтому слово «дела» он произнёс с особенной интонацией.

Назавтра ребята собирались на реку ловить под камнями налимов. Сёма за нынешний день весь извёлся, так ему хотелось быть уже на реке. Технология лова была проста, но требовала большой сноровки. Следовало вооружиться широкой вилкой и держать её наготове. Тихо идти по мелководью меж камней вверх по течению, лучше где-нибудь вблизи быстрины, и осторожно, чтобы не замутить воду, но быстро, переворачивать камни, под которые вели норки или углубления. Часто под такими камнями сидели молодые налимчики размером с ладонь, а то и с две. В тот момент, когда камень приподнимался, налим вжимался в дно. Длилось это секунду, самое большее две. За это время нужно было ударить его вилкой как острогой. Тогда рыбка твоя, но чаще следовал промах, и рыбёшка успевала убежать, поэтому ловля растягивалась в процесс: утомительный, но очень азартный. Если хорошо постараться, то за два-три часа можно было добыть рыбёшек на большую сковороду жаркого. И вот теперь ночная гроза портила все их планы: назавтра вода в ре-

ке будет мутной.

Сёма признавал Мишку за старшего, и, если и не слушался, то относился к нему с большим уважением. К тому же Сёма был робок, а Мишка наоборот бравировал своей невозмутимостью. И если младшему воображение нарисовало бы в ночной темноте вместо расцветшего куста жасмина пробирающийся вокруг дома призрак, то старший, увидев, летящую поверх деревьев, ведьму на метле, только и сказал бы:

– Ага! Вот и ведьма полетела. Мне б такую метлу.

Каждый знает, если ночью посмотреть прямо на предмет, то увидишь его плохо или и вовсе не увидишь, а вот боковым зрением всё видно гораздо лучше. Так и выходило. Пробирается Сёма в темноте домой после игр с ребятами, вдруг что-то померещится ему с боку. Посмотрит туда мальчонка, а и нет ничего. Потом с другой стороны как будто кто-то глянет на него, снова повернёт голову мальчик и опять никого. А воображение уже заработало, страх проснулся, и вот летит Сёма со всех ног к дому и издали кричит: мама, мама.

Сёма дёрнул Мишку за рукав:

– Миша, расскажи что-нибудь.

Мишке было не досуг сейчас возиться с младшим. И он решил подпугнуть Сёму, чтобы отделаться от него.

– Вот видишь: скоро гроза до нас доберётся, так всех и поубивает громом.

Сёма съёжился, но не поверил.

– Нее, только огород зальёт, – сообщил он Мишке со знанием дела.

– И реку замутит. Плакала наша рыбалка.

– Миш, ну Миша, расскажи что-нибудь страшное. – Сёма любил слушать всякие жуткие истории, не потому, что они ему очень нравились, а потому, что они гипнотизировали его, притягивали к себе и не отпускали. Сколько раз взрослые говорили Мишке: «Не пугай Сёму: он по ночам кричит!» Да, попробуй, удержишься.

– Ну, ладно! – подумал Мишка, – Сейчас я тебе расскажу.

Ты помнишь, мы с тобой смотрели кино по телевизору про такое же село, как и наше. Там под рождество всякая чертовщина происходила. Людей по мешкам рассовывали. Кузнец там был Вакула, он на чёрте к самой царице летал за тапочками. Кино «Ночь перед рождеством» называется, а написал рассказ про это писатель Гоголь. – Мишка вопросительно посмотрел на брата. Сёма вспомнил этот фильм и обрадовано закивал головой.

– Он ещё много чего интересного написал, – продолжил Мишка, набивая себе цену, – написал он и повесть «Вий» про ведьму, которая любила на людях кататься, да в конце концов, зашиб её насмерть один человек. Так она уже мёртвая свела его в могилу. Хочешь, расскажу? – Мишка скосил глаза на братца.

Сёма сразу испугался, но неиссякаемый зуд заставил его сказать: «Конечно, хочу».



– Смотри, может, передумаешь? – Мишка, применил иезуитский ход.

– Нет, нет! Расскажи. – Сёма уже не владел собой и был во власти непреодолимого очарования. – Не передумаю.

– Ну, смотри. Как хочешь. Только не пожалей потом.

Сёма всем своим видом показал, что жалеть не будет.

В это время гроза вывалилась из нижнего мира в верхний и стала неумолимо надвигаться на притихший человеческий мирок. Молнии сверкали одна за другой и раскаты грома, хоть и с большим запаздыванием, гулкой канонадой сотрясали ночной эфир.

Мишка приступил к рассказу. Вся, по сути, небольшая повесть стояла у него прямо перед глазами, поэтому он легко ориентировался в повествовании и, легко совмещал особенные повороты в сюжете с блеском молний и раскатами грома. Сёма притих, как обезьянка перед удавом, и зачаровано смотрел на Мишу. Его бледный контур на фоне мутных небес вполне соответствовал повествованию. Мишка подробно рассказал про то, как ведьма, изменяя личину, обманывала путников. Каталась на них верхом по долам и весям. Про то, как Хома Брут смог сбросить ведьму с себя, как он сам прокатился на ней и жестоко наказал её дубинкой. И как ведьма, будучи уже при смерти изъявила волю, чтобы нашли Хому, и чтобы он по смерти отпевал её. Хома ж в силу каких-то колдовских причин никак не мог избежать этой обязанности.

Сёма только слегка попискивал в такт Мишкиным театральным эффектам и просил: «Дальше, дальше!». Самому Мишке всё это уже надоело и он, «отбывая номер», нашёл себе ещё одно занятие. Совершенно случайно он нащупал около ног какой-то предмет, но за ходом собственного рассказа и всё усиливающихся раскатов грома, никак не мог определить, что это. Мешал носок на ноге.

– Тут крышка гроба приподнялась и мёртвая ведьма села в гробу. Потом она встала, раскинула руки и стала на ощупь искать Хому. Хома очертил себя святым кругом и стал недосягаем для неё. – Заунывно гундосил Мишка.

Сема ойкал на каждый поворот сюжета. Молнии и гром подвигались всё ближе, а Мишкина нога медленно поднималась вверх, ощупывая непонятный предмет.

– На другой день ведьма стала вся синюшной и принялась творить заклинания, призывая на помощь нечистую силу со всего света. Она в упор смотрела на Хому, читавшего молитвы, и не видела его. Когда Хома оторвался от чтения молитвы и поднял глаза, труп уже стоял перед ним на самой черте и вперил в него мёртвые позеленевшие глаза.

Сёма ойкал, гром гремел совсем рядом, молнии били в землю около пожарного пруда, а Мишкина нога добралась до верхнего края загадочного предмета. За верхней кромкой был спуск вниз.

– На третий день нечистая сила пригласила Вия. Он был начальником гномов из подземелья. Весь из железа и веки

его были до самой земли. Его привели под руки и поставили прямо к тому месту, где стоял Хома.

– Подымите мне веки: не вижу! – сказал подземным голо-  
сом Вий – и всё сонмище кинулось подымать ему веки.

– Не гляди! – шепнул Хоме внутренний голос. – Мишка  
сказал это так, как будто приказывал братцу и Сёма зажму-  
рился от жгучего страха.

– Вот он! – закричал Вий и уставил на него железный па-  
лец. – Мишка повернулся к Сёме и ткнул в него пальцем.

В этот момент молния угодила в соседский огород, и гром  
пришёл тут же без задержки сухим револьверным треском,  
усиленным в тысячи раз. Налетел шквал и разом пригнул  
деревья к земле. Крупные капли дождя и град как пули за-  
стучали по гулкой металлической крыше. Казалось, крыль-  
цо подпрыгнуло. Мишкина нога соскользнула вниз, и будто  
миллион бешеных пчёл вцепился в неё разом. Мишка сна-  
чала взвыл волком, затем зарычал и запрыгал на одной ноге.  
Потом он плюхнулся на попу и, стаскивая носок с ноги, от-  
чаянно ругался в половину голоса. Носок был мокрым и го-  
рячим. Под ногами у Мишки стояло ведро с обварным ки-  
пятком. Это старая бабушка кипятила воду в ведре для ка-  
ких-то своих нужд, да и поставила его на крыльцо, что б по-  
остыло, прямо перед Мишкиным приходом.

Бедный Сёма обмер до полусмерти, разум его помрачил-  
ся, он сорвался с места и кинулся к двери в дом, но вместо

того, что бы открыть её, стал стучать в дверь ногами и кулаками и вопить на всё село благим матом.

Дверь распахнулась и отшвырнула его к перилам. В ярком жёлтом снопе света показалась мама, тётки и старая бабушка, за ними второй линией набегали мужчины. Сёму подняли на ноги, осмотрели и ощупали со всех сторон.

— Где болит, что случилось? — но Сёма только кричал, вцепившись в мамино платье.

— Говори, где болит!

Наконец Сёма поуспокоился и, тыча рукой в тёмный конец крыльца, выдавил из себя: «Вий Мишке ногу откусил!», и снова заревел.

Тут только заметили Мишу. Он сидел на полу и без остановки дул на стопу. Сёму отдали мужчинам, что бы те увели его в дом, а женская команда теперь уж окружила Мишку всё с теми же вопросами.

Мишка, молча кивнул на ведро, потом выдавил из себя: «Вода горячая», — и тихо чертыхнулся. Чего шуметь, когда сам же со всех сторон и виноват.

Мишку затащили в просторные сени и стали думать что делать. Хорошо еще не стали выяснять, кто виноват. Стопа его покраснела, но не настолько, чтобы сразу среди ночи ехать к врачам в город. Появились первые волдыри.

Старая бабушка сказала: «надо посыпать ногу стрептоцидом и забинтовать».

Все кинулись искать стрептоцид. Наконец после долгих

поисков нашли одну последнюю таблетку, порушили её в порошок и отложили в сторонку, чтобы сначала протереть Мишкину ногу водкой. Когда обернулись – нет порошка. Куда положили, кто положил? Нет, и всё тут. Наконец увидели маленького Павлика. Он проснулся от шума и криков и, пока взрослые тёрли Мишке ногу водкой, дотянулся до порошка и съел его. Все губы у него были белыми. Он стоял у двери и проказливо улыбался. Что с него возьмёшь: два годика мальчонке. Ему дали воды запить гадкий на вкус стрептоцид и уложили спать. Мишкину ногу натёрли подсолнечным маслом: опять старая бабушка подсказала, и забинтовали. Потом его напоили сладким чаем и тоже отправили спать.

Мишка лежал в постели, слушал, как снаружи дома беснуется природа, и думал о жизни, о её смысле, о том, что на рыбалку теперь дней десять не выбраться, и что Сёма завтра конечно обо всём проболтается.

Наутро светило яркое солнце и многократно отражалось во всех лужах, в каждой дождевой капле, оставшейся с ночи. По всему селу кричали петухи и ласточки чертили высоко в небе. Миша проснулся спозаранку и ощутил себя удивительно счастливым. Ему даже показалось, что он парит поверх кровати – захватывающее светлое чувство. Нога его мало тревожила. Всё хорошо! Всё просто прекрасно! Чуден мир.

Недели через две двое пацанов пылили сандалетами по просёлку в направлении реки. Зной уже собирал силы

и плавился в утреннем солнце. Младший весь в нетерпении, идёт, подпрыгивая, подскакивая, машет руками. Старший заметно хромает, ещё подволакивает ногу, но он так же в приподнятом настроении. За спиной у него рюкзачок. Он что-то увлечённо рассказывает младшему. Младший бежит вокруг старшего кругами и просит:

– Ещё, ещё.

Расплавленный зной им казался прохладой, дорожная пыль не слепила глаза. За поворотом дороги их скрыл перелесок, и пыль медленно осела на луговые цветы.

## Зной

Солнце било отвесными лучами прямой наводкой, плавilo асфальт и заставляло прохожих заинтересованно искать тень. Второй месяц в городе стояла неестественная жара. Духота смешивалась с маревом, вольготно возлежала на городских камнях, размягчала сознание и уносила его в виде перемежающихся видений в страну кривды. Многие не выдерживали и галлюцинировали – всё больше белыми снегами растаявшей Арктики и горами из пломбира. Малыш El Ninjo вырос и превратился в ужасного El Hombre.

За распахнутым окном серого, пышущего жаром каменного саркофага виднелась женщина – секретарша. Юный возраст уже покинул её, отчего она носила подчёркнуто короткие юбки и малюсенькие топчики, под которыми прости-

ралось сплошное ню.

Полис монотонно гудел и то тут, то там взрывался визгом и криканьем городских «кенарей». Липы и тополя пытались гасить шум этого уличного «несварения» своими телами, листьями и даже пухом, полчища которого зависли в воздухе.

Секретарша постоянно отмахивалась от пуха. Он лез в глаза, в ноздри, в рот, раздражал своей настырностью, но закрыть окно значило удушить себя своими руками.

Она думала о том, как было бы хорошо заколотить эту «шаражку» да уехать на всё лето в деревню. Там грибной лес, луговая речушка с купальнями и запрудой, ветры, что разгоняются над полями и выдувают из тебя весь смог, шум, гарь и дурь большого города. Там парное молоко и невидимые жаворонки поют в зените бездонного купола. Там прошло детство, и рано – рано утром, если встать пока все спят, его ещё можно увидеть. Оно умывается росой в луговых травах, бегают по косогорам над речкой и с наслаждением ест землянику на лесных опушках. Успеть бы застать его!

Женщина сидела нога на ногу боком к клавиатуре и нехотя, через силу печатала одним пальцем какой-то нескончаемый список, состоящий из каких-то ничего не значащих фамилий.

Иванов, Петров, Сидоров...

– Зачем моему эти списки? Сейчас суетятся, а завтра уже никому ничего не надо. Бездельники. Отбредались, и по углам. Лучше бы мне сплит поставил. Жмот!

Волков, Зайцев, Козлов...

В полуоткрытом ящике стола плавилась шоколадка. Глядеть на них сейчас тошно. А вот зимой, когда мороз и снег, да с коньяком, под розовые щёчки...

Ещё раз Козлов, и ещё. Сколько рогатых развелось, – подумала женщина.

Шеф тихо вышел из кабинета поглядеть, как продвигается работа.

– Ага! Козлов, – неожиданно сказал он из-за спины. Взгляд его непроизвольно упал сначала под сбившийся топчик, а затем на ноги женщины и попытался разглядеть там украдкой что-то за гранью дозволенного. Физиономия его умаслилась.

Женщина спокойно обернулась и показала мужчине на зеркало, стоящее перед ней на столе.

Не заметил!

Мужчина понял, что попался, смутился и скороговоркой выпалил:

– Козлов, Козлов, Козлов...

А женщина в укор ему: – Много Козлов!

Потаённая вражда противоположных полов сцепилась накоротко в молниеносной схватке и так же мгновенно растворилась в мареве.

Мужчина спасся в своём кабинете, а женщина продолжила одним пальцем: Козлов, Козлов,... Козлищев...

– Попался как пацан! Похоть прёт, когда не надо. Теперь



она своими глазищами неделю меня сверлить будет.

– Что за мужик нынче пошёл! Тю-тю, Сю-сю. Какой-то полупрозрачный. Ни дать, ни взять...

А в деревне детство бегало по лугам, собирало незабудки и складывало их в причудливую вязь будущей жизни.

*Октябрь 2007*

## Пацан

Мальчишка-подросток тихо крался по коридору. В проёме двери спиной к нему беззаботно дремала кошка. Сон сморил её после двойной порции да ложки густой сметаны. Сон сморил её после двойной порции да ложки густой сметаны. Зря она так расслабилась. В двух шагах от безвинного животного мальчишка шлёпнул босой ногой об пол и громко «пособачьи» сказал «Гав!». Кошка, молча, подпрыгнула на метр от пола и, раскинув лапы в стороны, влетела в комнату. Через миг она громко чихнула и затихла под кроватью.

Мальчик подождал немного и пошёл искать кошку. На диване перед телевизором сидела его мать. То есть до этого сидела. Теперь она держалась рукой за сердце и медленно сползала с дивана на пол.

«Мама, ты что!?» – мальчишка подбежал к матери.

Мать только рукой махнула.

«Мама!»

«Ты представляешь, – сказала она, – я смотрела телевизор, как вдруг наша кошка подпрыгнула до потолка и тявк-

нула по-собачьи. Я испугалась».

Подросток отсчитал по каплям валокордин и всунул стакан в трясущуюся руку матери...

Не проняло. Дух экспериментатора продолжал витать в сознании мальчика. На следующий день пошла старая бабушка пить чай на кухню. Поставила дымящуюся чашечку на блюдечко, придвинула варение из крыжовника и села на кушетку. Мельхиорова ложечка уже зависла в воздухе, как вдруг:

«Бабушка! – заунывно раздалось из-под кушетки, – бабушка, тяжело мне!»

Бабка испуганно посмотрела по углам.

«Бабушка, тяжело мне! Бабушка помоги мне».

Старуха обомлела.

«Бабушка встань, ты раздавишь меня!»

В глазах у доживающей свой век женщины потемнело. Она плюхнулась на колени и попыталась заглянуть под кушетку. А оттуда всё неслоь:

«Вынь меня, вынь, задыхаюсь!»

Подросток сидел в соседней комнате и самозабвенно пугал старуху через микрофон и динамик, подсунутый им под кухонную кушетку.

«Ох, теперь уж поздно!» – было последнее, что услышала старушка. В глазах у неё выключили свет, и она нелепо боком осела на пол.

Скорая приехала быстро. Старушку спасли.

Когда за медиками закрыли ворота, мать, молча, схватила метлу и обрушила её со всей силой на спину хулигана. Второй удар не прошёл – парень перемахнул через парапет крыльца и отбежал подальше в огород.

В этот момент через тот же самый парапет перелетел мордастый соседский кот с курицей в зубах. Тушку курицы держали в сенях на холоде и собирались приготовить к обеду, да, во всеобщей суете оставили её без присмотра.

«Держи его! – закричала мать, – обед украли».

Тот кот не собирался отдавать добычу. Огромными прыжками по свежевыпавшему снегу котище добрался до забора, как только курица ему голову не оторвала, и одним прыжком оказался на его гребне. Тут его догнал плотный ком снега, запущенный мальчишкой – прямо в ухо! Не вышло, кот долгим взглядом поглядел на сорванца и победно вместе с курицей завалился в соседний огород...

Бабка распласталась на кровати и слушала как мальчишка сбивчиво, скороговоркой оправдывается и просит прощения. Ноги его почти висели в воздухе – это здоровенная ручища отца приподняла его за шиворот. Уши пацана горели.

«Ладно, уж, отпусти его, сынок». – Старуха не жаждала крови.

Ноги мальчишки окончательно оторвались от пола, и тело его было вынесено за порог. Там сеанс левитации закончился, и пацан с грохотом закувыркался по половицам.

Мать показала ему на помойное ведро:

«Вынеси грязь и почисти ведро соломой»...

Жизнь в истину прекрасна, а соблазнов так много!

## Однажды вечером

Внутренности гастронома были пустынно и безмолвны. Всё оттерто, отмыто, выметено. На подоконнике спал пыльный жирный кот.

На полках виднелись: газированный напиток «Буратино» с осадком, морская капуста в жестянках, такой же «Завтрак туриста», серые макароны в бакалее и другие полезные продукты. В хлебном отделе задержались две полчернушки.

Кассирша угрюмо сидела в своей загородке, положив перед собой часы. День заканчивался. Отмучались.

По грязным потрескавшимся стёклам стекал мелкий настырный дождик. Входная дверь отвратительно заскрипела и хлопнула своей гнутой железной грудью о ржавый косяк.

Вошли люди в красных повязках, стряхнули с себя остатки дождя, обшлёпали перемазанные в глине ботинки и разбрелись по всему магазину.

Уборщица кинулась к ведру и швабре. Кассирша зло посмотрела в бойницу своей стеклянной крепости. Продавцы мясного и колбасного отдела даже не подняли голов.

Две полчернушки были быстро обнаружены и дружно съедены. Кассирша демонстративно заперла кассу и ушла в подсобку – торговля окончилась.

Погревшись у чужого огня, измазав полы и обсохнув, дружинники с отяжкой грохнули дверью и бесформенным кластером заскользили наискосок через пустырь в сторону пятиэтажки со светящейся бело-голубой панелью над дальним подъездом с надписью «Опорный пункт охраны порядка».

Лето закончилось. Стояли серые неуютные дни. По вечерам горожане быстро исчезали с улиц. Под дождём оставались уличные собаки, просыхающие пьяницы, дружинники, да редкие прохожие, тенями проскальзывающие в подъезды своих домов.

Страна ещё не знала перемен. Страна была вполне счастлива. Самая лучшая в мире страна. С самым лучшим..., с самым..., с самым..., с самым... Сомневаться в этом было не принято.

Темнота надвигалась быстрее низких синюшных облаков. Мелкий дождь сёк наискось. Глина липла к ботинкам. На помойке грызлись здоровенные псы, а прочая хвостатая мелочь залегла поодаль.

Участковый успел вернуться первым и теперь убивал время, марая лист бумаги. Все молча, расселись по казённым стульям. До конца дежурства оставался час. Приходило предвкушение свободы. Участковому тоже не сиделось, и он готов был пораньше отпустить этих мужчин и женщин, которые пришли сюда только по тому, что за дежурство давали отгул. Отгулом расплачивались за всё: за дружину, за демонстрацию, за овощную базу. Отгул был конвертируемой

валютой.

И в этот решающий момент приоткрылась дверь и у порога притулилась старая-старая бабка. Участковый тоскливо посмотрел на часы. Дружинники напряглись, но виду не подали. Старая стояла, молча и неотрывно глядела на участкового.

Делать нечего – надо выяснять.

«Вы по какому поводу»? – обречённо спросил участковый.

«Помоги мне, сынок, куда мне деваться!» – тяжело, без всякой надежды выговорила старая и попыталась подойти к столу участкового.

Однако тот лихо преградил ей дорогу и поинтересовался сутью происшествия.

Ничего нового. Коммуналка и пьянство. Соседка алкоголичка – ещё крепкий дебил в юбке, полуночные собутыльники, дебоши так, что за всю ночь глаз не сомкнёшь и до туалета сходить боязно.

«Теперь же она придумала выгонять меня из дома да ещё приговаривать, что и комнату мою займёт и, что мне пора уже собираться, не то пришибёт, – рассказала старая, – сходи со мной, сынок, утихомирь её».

«Сходи со мной, пугани её, старая я – лечь мне хочется».

Участковый прикинул время пока всё будет улажено. Выходило, что вернётся домой он поздно и вечер сложится не так как он рассчитывал; и всё из-за этого мурла, которое

он по долгу службы должен приводить в чувство и перевоспитывать. В то время как само государство спаивало и дебилизировало народ ради грошей, которые, кроме как на водке, оно не могло иным образом заработать.

Участковый такой же человек, как и мы, только характер у него испорчен от того, что он общается с не лучшими из нас.

«Подруга твоя давно уже под столом спит – ты потихоньку и войди в дом».

«А завтра? А если пришибёт»?

«Если пришибёт, тогда мы её и заберём».

«Боязно, а если она меня совсем пришибёт».

«Ты разберись, сынок».

Выходило, что делать было нечего, нужно идти и разбираться.

«Какой адрес»?

Старая назвала адрес.

Гора свалилась с плеч участкового, крылья выросли за спиной.

«Так ты не туда пришла, твой дом не на моём участке».

Участковый сказал, куда нужно старой идти и это было совсем не близко.

А старая никак не могла понять, куда ещё нужно идти, если вон дом, вот милиция, а в доме том её прибить обещали по пьяному делу.

«Пойдём, сынок, помоги старой», – продолжала ныть баб-

ка.

Но участковый уже оседлал ситуацию и ещё раз три объяснил старухе, куда ей нужно идти промозглой тёмной ночью, чтобы добиться защиты.

Старая, видимо, уже очень давно не находила правды и не ждала её. Она вздохнула и бесплотной тенью втянулась в ночь, став с ней одним цветом.

Повеселевший участковый облегчённо вздохнул – сама ушла. С глаз долой – из сердца вон.

Дружинники молчаливо одобрили.

«Все свободны», – скомандовал участковый. У выхода образовался затор.

Люди с повязками быстро разлетались в разные стороны как осколки гранаты от эпицентра взрыва. Участковый успел обогнать всех и лихо иноходью закладывал за угол. Позади этих людей смолью чернели окна опорного пункта охраны порядка.

Порядок нарушен не был.

Старость.

Что такое старость?

Это когда ты согласен с тем, что ты всем в тягость, что ты зажился на этом свете и, что подлость и бездушные молодые явление того же порядка, что и дождь, и снег, и слякоть, и голод. Когда ты согласен с этим – ты старик.



# Лунатик

В старом доме на последнем этаже жил лунатик. В обычной жизни ничем не примечательный молодой человек. Но стоило ночью упасть на него призрачному свету Луны, как он становился существом совсем иного рода, нежели все окрест проживающие люди. Он распахивал окно, усаживался на подоконник, свешивал наружу ноги и часами, не отрываясь, смотрел на белый диск, посылавший ему невидимую энергию преобразования. Ничего иного он и не замечал. Поговаривали, что он ходил по карнизу под его окном, как будто не было под ним пропасти, и что он забирался по водостоку на крышу, и стоял там на её коньке с безумными глазами, раскинув руки навстречу серебряным лучам, и шептал что-то на непонятном языке.

Что правда, а что выдумки — кто знает, но только однажды этот молодой человек встретил в своём дворе молодую женщину и влюбился первый раз в жизни. Она пахла на него запахами, которых никогда не было в его маленькой квартирке, она была пластична как кошка, её волосы трепал ветер и они светились соломенным светом в лучах тёплого Солнца. Не то, что его непослушные вихры. На ней было лёгкое облегающее платье, на руках кольца и браслеты, и высокие каблочки туфель на её маленьких ножках отбивали весёлую мелодию так, как будто где-то рядом резвилась мартовская

капель.

Юноша был совсем не искушён в делах любовных и поэтому не решился подойти. Он застыл поражённый и только наблюдал, как ангел скрылся в подъезде соседнего старинного дома. Впервые в жизни до него дошло, что существует другой мир, населённый феями, эльфами и ангелами на высоких каблучках. Смятение охватило его, ему захотелось стать частью этого иного мира, но как войти в него – где вход, пока всё было как на киноэкране. Голова его закружилась, и он ушёл домой, уселся на подоконнике и, положив подбородок на колени, не смог разобраться в своих новых чувствах, но продолжил переживать их.

Ночью Луна светила на безоблачном небе. Юноша прошёл по карнизу и ловко взобрался на крышу. Он застыл, восхищённый Мирозданием, заглядевшимся на маленькую Землю. Он так бы и просидел всю ночь, да тут на верхнем этаже соседнего дома засветилось одно окошко. В нём появилась она, та, что несла в себе пряные ароматы другого мира. Юноша, чтобы лучше видеть её, невидимкой спустился в свою комнату и уселся на подоконнике. Но неземное существо постояло у окна, подышало ночным свежим воздухом и исчезло за занавеской.

На следующую ночь юноша уже не сидел на крыше, а прожигивался по карнизу в ожидании чего-то необыкновенного. Но ничего не произошло. Зато через два дня незнакомка пришла домой позже, откинула занавески и распахнула ок-

но. Посредине комнаты стоял круглый стол, который она заботливо сервировала. Губы её были сильно накрашены, и она курила сигарету. Когда ночь придавила свет фонарей к самым мостовым, женщина побежала открывать дверь. В её комнату вошёл усатый гражданин и вручил ей цветы и бутылку вина. Женщина засмеялась, прижалась к нему грудью и поцеловала в щёку. Потом они долго сидели за столом. Ели, курили, о чём-то разговаривали. Женщина пила вино, а усатый гражданин водку. Она ела фрукты, а он закусывал селёдкой. Постепенно их голоса делались громче, а речь бессвязней. Наконец они включили музыку и стали танцевать. Гражданин положил руку на талию дамы, но затем спустил её ниже. Даме это понравилось, и она поощрила своего кавалера долгим поцелуем. Они пошли к видневшейся в глубине комнаты кровати, но тут дама сказала «ой» и, подбежав к окну, задернула занавески. Скоро они погасили свет.

Всё было понятно. Любовь рухнула, так толком и не начавшись. Юноша с размаху обрушился на свою койку и закинул руки за голову. Панцирная сетка лязгнула своей проводочной сущностью и затихла. Через какое-то время в распахнутое окно заглянула полная Луна и омыла юношу своим чистым серебряным светом. Глядя на него со своей высоты, она как бы говорила ему: «Утешься глупый мальчик, твоё время ещё придёт, радуйся, что твоя душа пока чиста и не испорчена», и послала ему прохладный ветер, скрип сверчков, шелест листвы и таинственную силу своего света, повинуюсь

которой юноша уже через минуту сидел на коньке крыши в позе демона.

«Я не хочу пить водку, закусывать селёдкой и похабным образом тискать женщин за их попы, – думал он. – Неужели человеческая любовь только такая? – Не верю».

«Конечно не только такая», – засмеялась Луна и послала ему серебряный поцелуй.

Юноша коснулся щеки рукой и посмотрел вверх на ночное светило.

«Ты со мной разговариваешь»? – Спросил он, но свет лился на него мощным потоком без звука и только шум ночного города долетал до его ушей.

Небо на востоке засветилось, и юноша спустился вниз спать. Засыпая, он видел смеющуюся Луну и её лучи, тянувшиеся к нему из невозможной дали серебряными нитями. Серебряную нить, выходившую из него самого, терявшуюся в мглистой бездне. Слышал голос Луны, которая рассказывала ему странные вещи о том мире, в котором он живёт, о полётах во сне и наяву, об эльфах и троллях, о бескрайних просторах, о силе Духа и бесчисленных мирозданиях наполняющих Вселенную. Этот голос приглашал его самого всё увидеть, всё понять, сотворить себя заново и, уже потом решать, какой жизнью ему жить. Он соглашался, но потом снова и снова возвращался к своим потревоженным чувствам. Затем всё смешалось, и только плотный светящийся туман оставался перед его мысленным взором.

Весь следующий день он проспал. Проснулся он, когда Солнце уже зашло за крыши домов и подсвечивало снизу розовым светом редкие облака. Двор был пуст, воздух, казалось, застыл, птицы молчали и даже дворовые ребяташки куда-то запропастились.

Облака ушли с быстро темневшего небосвода и освободили место звёздам, в этот день на редкость крупным и ярким.

Юноша обратил внимание, что события предыдущих дней теперь мало его волнуют. Во всём теле ощущалась собранность и приподнятость, но вместе с тем немного кружилась голова.

Чтобы развеяться, он прошёлся по карнизу, ухватился рукой за водосток, посмотрел вниз и никого не увидел. Заря уже догорела и ночь чёрным капюшоном накрыла Землю. Одним махом юноша взобрался на крышу и, положив голову на колени, стал ждать восхода Луны.

Луна снова вошла полной.

«Странно, как долго длится полнолуние», – подумал он, но мысли его тут же унеслись прочь. Восходившая Луна напоминала огромный корабль, бороздивший просторы Мироздания. Так хотелось оказаться на этом корабле, быть сопричастным великим таинствам природы, стать юнгой Вселенной. Желание породило намерение: «Эй, ночное светило, планета, давшая жизнь всему живому на Земле, помоги мне. Я не такой как все и хочу таким остаться, но всё, что я умею, это ходить по карнизу, и глядеть на тебя в ночной тишине.

Научи меня быть другим. Помоги мне найти таких же чудачков, как и я». Этот его душевный порыв был настолько сильным и искренним, что юноша даже вскочил на ноги и протянул руки к белому диску. Все мысли улетучились из его головы, на него спустилась приятная отрешённость, а тело ощущало себя воздушным, крепким и здоровым.

«Посмотри на меня и пожелай переместиться туда, где оканчивается твой взгляд», – как будто какой-то голос произнёс эту фразу в его сознании. Юноша понял, что это Луна говорит с ним. Всё было очень ново. Восторг охватил его. Взгляд опустился на поверхность Луны, и он представил себя там, пожелал обрести себя там, оставив всё земное.

«Странно, почему моя кровь не кипит, чем я дышу...», – способность мыслить снова вернулась к нему. Его ботинки утопали в пыли, вокруг распласталось угольно-чёрное небо, огромный голубой шар завис над головой и Солнце било издали своими лучами как мощнейший прожектор.

«Будь любезен – поднимай меньше пыли», – услышал он чей-то голос позади себя.

Юноша обернулся и увидел господина в фетровой шляпе с портфелем под мышкой.

«Как это всё возможно»? – удивился молодой человек.

«Все вещи, существующие на свете, таковы, какими мы их воспринимаем. Ты пожелал быть здесь и не сомневался, что это возможно – поздравляю, первый урок ты усвоил хорошо».

«Как же назад?»

«Точно так же. Но не спеши, давай пройдемся вместе и я введу тебя в курс дела».

И они пошли серой пыльной тропинкой навстречу висевшей в чёрном небе Земле, оставляя после себя две цепочки следов как на свежавыпавшем снегу.

«Видишь ли, если человек остановит свою вечно сомневающуюся сознательную часть, то его восприятие переместится в область бессознательного. Это даёт много преимуществ. Да, это правда – подсознание человека его главный враг, но это ещё и главный инструмент в его руках. Фокус в том, чтобы правильно пользоваться им, поставить себе на службу».

«На службу?»

«Не удивляйся, люди так мало знают о себе и в то же время так много мнят о своих достижениях. Современному механизированному человечеству всего сто лет, а людям кажется, что они уже чуть ли не полубоги. Очень глупо так себя вести».

«Так что там с подсознанием?»

«Всё очень просто. Когда ты покупаешь новую компьютерную игру, то лезешь в настройки и подстраиваешь её под себя. Человек в этом плане мало, чем отличается от компьютера. Разница в количестве настроек. Но результат от подобного вмешательства, поверь мне, ошеломляющий. Да ты и сам уже имеешь личный опыт – ведь ты здесь и мы с тобой

разговариваем».

«А я не сплю»?

Незнакомец поднял с тропинки камень размером с кирпич, прицелился и отпустил его в свободное падение прямо на ногу юноше. Молодой человек охнул и запрыгал на одной ноге.

«Как спится», – съязвил гражданин, поправляя свой портфель.

«Реалистично», – ответил юноша со смехом.

«Это хорошо, что ты не обиделся. Обидчивые не задерживаются здесь. Обидчивые люди слишком заняты своей персоной, а это не совместимо с нашими практиками».

«Быть может, познакомимся»? – спросил юноша.

«Во-первых, тебя зовут Марк, а меня зови просто Иван Иванович. Я твой наставник. Во-вторых, никаких „может“, никакой неопределённости – сомнения наш главный враг, твои решения и суждения должны иметь окончательную форму».

«Откуда Вы меня знаете»?

«Это тоже из области настроек подсознания. Хочешь много знать – подключись к единому информационному полю, вернее сказать настрой своё восприятие на осознание этого информационного массива».

«Так как же всё это делается».



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.